

С самого детства он обожал глазеть на всякую суматоху. Линь Чэнби говорила, что эту черту он унаследовал от нее — есть в нем задатки журналиста. Цяо Вэньюань, однако, восторга не разделял и упорно пытался вырастить из сына врача.

Цяо Юаньлинь едва успел доесть полмиски каши, как звуки ссоры за окном прекратились.

— Ешь так медленно, все представление уже пропустил, — заметила Ван Жуйчжи.

— В следующий раз точно успею, — с сожалением вздохнул Цяо Юаньлинь.

Ван Жуйчжи решила заранее его предупредить:

— От меня до твоей школы далеко. Завтра понедельник, смотри не опоздай.

Цяо Юаньлинь не беспокоился. Их классный руководитель недавно уволился, так что в классе воцарилась полнейшая анархия. К тому же он и так опаздывал каждый божий день и давно бросил всякие попытки с этим бороться.

Поболтав о пустяках, Ван Жуйчжи спросила:

— Да, кстати, как тебе спалось на новом месте? Бессонница не мучила от того, что делил комнату с чужим человеком?

— Вовсе нет, спал без задних ног.

— Вот и ладно.

— Бабушка, а как зовут того жильца? — спросил Цяо Юаньлинь.

— Вы что, провели ночь в одной комнате и даже не поздоровались? — с улыбкой спросила Ван Жуйчжи. — Его зовут Лян Чэн. Он на четыре года старше тебя, ему уже двадцать.

Цяо Юаньлинь прикинул в уме: двадцать лет — значит, студент. Уходит рано, возвращается поздно... Наверное, готовится к экзаменам в магистратуру.

— У этого Сяо Ляна характер не особо общительный, — продолжила Ван Жуйчжи. — Сам никогда заговаривать не станет. Эх, впрочем, у вас, молодежи, это сейчас модно, да? Как там говорят... «крутой»?

Тоже мне, крутой нашелся.

Мысленно фыркнув, Цяо Юаньлинь больше ничего не сказал. Закончив с завтраком, он поднялся наверх.

В конце коридора находился балкон, откуда тянуло приятным прохладным ветерком. Цяо Юаньлинь подошел поближе, раздвинул сохнувшие на вешалке простыни, и его взгляду открылся утопающий в зелени переулок.

На балконе стояли комнатные растения. Цяо Юаньлинь помнил, что Ван Жуйчжи терпеть не могла возиться с землей, считая ее грязной. В его прошлый приезд несколько цветов стояли полузасохшими, но сейчас они, к его удивлению, буйно зеленели и цвели.

К стене была приставлена железная лестница, ведущая на крышу — отличное место, чтобы смотреть ночью на звезды.

Цяо Юаньлинь постоял там немного, пока на телефоне не сработало голосовое напоминание: «Онлайн-урок математики с учителем Томом вот-вот начнется!»

Он вернулся в спальню и запустил трансляцию. Каждые выходные его ждали два с половиной часа лекций и практики, после чего нужно было делать домашнее задание и работать над проектом. Чтобы не засиживаться, он обычно заводил будильник на три часа.

Когда прозвенел звонок, Цяо Юаньлинь решил сделать перерыв. Он откинулся на спинку стула и с удовольствием потянулся.

Он обожал рок-музыку, поэтому надел наушники и прибавил звук.

В этот момент в переулок въехал мотоцикл и заглох у магазина ципао. Лян Чэн спешился, снял с руля пакет с пирогами из таро и завернул в задний проулок.

Пройдя примерно до середины неглубокого проулка, Лян Чэн остановился у стены напротив одной из дверей. Прижав сустав согнутого указательного пальца к губам, он негромко свистнул.

Почти сразу дверь распахнулась, и наружу выбежал мальчик лет восьми-девяти.

— Братец Лян Чэн! — радостно крикнул он.

Лян Чэн присел на корточки, разломил треугольный пирог пополам и протянул мальчику большую часть.

Мальчик, которого звали Сяо Лэ, взял угощение и, откусив кусок, заговорщицки отчитался:

— Мои родители уже закончили ругаться. Сегодня они разбили термос. Я прятался в шкафу и вышел только тогда, когда они ушли.

Лян Чэн хмыкнул и принялся за свою половину пирога. Он растопырил длинные пальцы, опустив взгляд на масляные следы на подушечках.

Сяо Лэ давно привык к его неразговорчивости, поэтому преспокойно жевал, изредка поглядывая на старшего друга.

— Братец, ты сегодня какой-то вялый, и у тебя круги под глазами, — заметил он.

— Не выспался, — ответил Лян Чэн.

Сяо Лэ задумался:

— Но мои родители вчера ночью вроде не ругались.

— Зато ко мне в комнату вчера забежал щенок, — лениво протянул Лян Чэн.

— Ух ты, здорово! — с завистью протянул Сяо Лэ. — А он еще там? Братец, принеси его, покажи мне, а?

— Нет.

— Почему?

Лян Чэн поднялся во весь рост и с высоты своего положения соврал малышу:

— Боюсь, что он меня укусит.

Сяо Лэ с самым серьезным видом принялся раздавать советы:

— А я в книжке с картинками читал, что если ты будешь добр к щенку, то он тоже тебя полюбит.

Не в силах больше терпеть масляные пальцы, Лян Чэн легонько щелкнул Сяо Лэ тыльной стороной ладони по голове:

— Читай книги, в которых побольше букв, и поменьше смотри свои дурацкие комиксы.

Солнце залило землю бледно-желтым светом. Проигнорировав прохладу в тени деревьев, Лян Чэн вернулся в магазин ципао, шагая по освещенной солнцем дороге.

Завидев его, Ван Жуйчжи окликнула его из-за своего рабочего стола:

— Сяо Лян, почему ты ушел так рано утром?

— Были дела, — коротко бросил Лян Чэн.

Ван Жуйчжи вежливо поинтересовалась:

— Надеюсь, то, что Юаньлинь поселился здесь, тебе не мешает?

Лян Чэн промолчал, пытаясь сообразить, кто вообще такой этот «Юаньлинь».

Ван Жуйчжи поспешила похвалить внука:

— Юаньлинь у меня очень послушный, шуметь не любит. Вот только здоровье у него с детства слабое, тяжелой работы никогда не знал, да и ленив немного...

Под конец ее слова стали мало походить на похвалу, так что старушка вовремя остановилась:

— В общем, раз уж вы с Юаньлинем живете в одной комнате, будь к нему снисходительнее.

Лян Чэн думал лишь о том, как бы скорее отмыть руки от жира. Не сказав ни «да» ни «нет», он отодвинул занавеску, зашел внутрь, помыл руки и поднялся наверх, чтобы немного поспать.

Барабанные перепонки Цяо Юаньлиня наконец устали от грохота рока. Выключив музыку, он еще пару секунд покачался на стуле, а затем выудил из пакета пирожное с яичным желтком.

Срывая обертку, он вспомнил об оставленной записке.

«Да какая разница, — подумал он. — Тот парень возвращается поздно, я успею все убрать перед сном».

Цяо Юаньлинь откусил кусочек пирожного и краем глаза заметил на углу стола пожелтевший фарфоровый стакан для письменных принадлежностей. После смерти дедушки лежавшие там кисти сожгли вместе с ним, и теперь на дне сиротливо лежал лишь маленький ключик.

Он вытряхнул ключик на ладонь и вставил его в замочную скважину выдвижного ящика стола.

Раньше дедушка хранил там коллекцию карманных ножей, всегда запирая их на ключ, чтобы внук ненароком не поранился.

Ящик выдвинулся. Старые памятные вещи лежали в целости и сохранности, но среди них обнаружилось несколько незнакомых документов.

Верхний документ лежал обложкой вниз. Цяо Юаньлинь взял его и только собирался перевернуть, чтобы прочитат название, как от двери раздался холодный, недружелюбный голос:

— Положи на место.

От неожиданности Цяо Юаньлинь вздрогнул, и у него волосы на спине встали дыбом.

Он быстро вернул документ в ящик, поспешно запихнул в рот остаток пирожного и только поднялся со стула, как Лян Чэн подошел к нему вплотную.

Цяо Юаньлинь поднял взгляд на незнакомого жильца. Тот был на целую голову выше него. Его лицо с резкими, красивыми чертами сочетало в себе юношескую угловатость и мужественность взрослого человека.

Проглотив застрявший в горле пирог, Цяо Юаньлинь хрипловатым, тягучим голосом выдал приветствие:

— Привет. Ты ведь Лян Чэн, который снимает эту комнату?

Лян Чэн протянул руку и резким движением задвинул ящик обратно.

— Я не знал, что это твои документы, — попытался объясниться Цяо Юаньлинь.

Лян Чэн окинул взглядом стол: обертка от пирожного, крошки, выкатившаяся из пакета бутылочка кисломолочного напитка... А оставленная им записка валялась на полу, смятая в комок.

«Дело дрянь», — подумал Цяо Юаньлинь и неловко произнес:

— Ты на удивление рано вернулся.

Лян Чэн сделал шаг назад к кровати и опустился на нее, согнув длинные ноги. Несмотря на то что теперь ему приходилось смотреть снизу вверх, его вздернутый подбородок лишь подчеркивал высокомерный и строптивый вид.

— И долго ты собираешься здесь торчать? — спросил он.

Цяо Юаньлинь и сам толком не знал. Пока он заминался с ответом, до него внезапно дошло, что парень просто-напросто пытается выставить его за дверь.

И тут он вспомнил про ярко-красные кресты на календаре.

Цяо Юаньлинь решил использовать главный аргумент и напомнил:

— Это дом моей бабушки.

— А это комната, за которую я заплатил, — парировал Лян Чэн.

Цяо Юаньлиня еще никогда так бесцеремонно не ставили на место. Чувствуя себя крайне уязвленным, он спросил:

— Сколько ты платишь? Я могу сделать скидку за этот месяц.

— Мне это не нужно.

— И чего же ты тогда хочешь?

— Я не привык делить с кем-то комнату.

Смысл его слов был предельно ясен, но Цяо Юаньлинь все же предпринял еще одну попытку:

— Подумаешь, трагедия. Я ведь провел здесь всего одну ночь.

— И эта ночь показалась мне вечностью, — отрезал Лян Чэн.

— Я что, пинал тебя во сне? — Цяо Юаньлинь подобрал с пола смятую записку. — К тому же, если тебе что-то не нравится, мог бы нормально сказать. Зачем эти угрозы?

На этот раз Лян Чэн ничего не ответил, лишь многозначительно скользнул взглядом по разбросанному на столе мусору.

Разозлившись, Цяо Юаньлинь совершенно забыл объяснить, зачем выложил вчера сладости на стол. У этого жильца явно не хватало элементарной вежливости, да к тому же он оказался черствым и недружелюбным. Зачем терпеть такое отношение ради какого-то угла?

— Вот и отлично, я тоже терпеть не могу спать в одной комнате с посторонними, — заявил он.

— Я съезжаю прямо сейчас.

Закатав рукава, он в мгновение ока собрал свои вещи: запихнул тетради в рюкзак и закинул его за плечи, сгреб пижаму, обмотал вокруг запястья провод от зарядки и, прижав к груди ноутбук, решительно направился к выходу.

Он перешагнул порог маленькой спальни напротив и в сердцах захлопнул за собой дверь, пнув ее ногой.

В комнате мгновенно воцарилась тишина. В полумраке кружились пылинки, а на полу громоздились семь или восемь нераспечатанных коробок с вещами, делая и без того тесную комнатку еще меньше.

Цяо Юаньлинь сделал несколько шагов к кровати и сразу же пожалел о своем решении.

Он замер у края кровати, соображая: здесь ведь даже стола нет, как ему делать уроки?

Но раз уж он так эффектно ушел, с гордо поднятой головой, возвращаться назад было никак нельзя.

Разве что этот тип по фамилии Лян сам придет просить его вернуться.

И стоило ему об этом помечтать, как раздался стук. В дверь постучал Лян Чэн.